В.В. Фокина,
доцент кафедры политологии
Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета,
кандидат политических наук

ПРОТИВОРЕЧИЯ ИНТЕГРАЦИИ С ПОЗИЦИИ РЕГИОНАЛИСТИКИ

Тенденция к региональной интеграции стала неотъемлемой составляющей процессов развития многих современных государств и регионов. Реализация этой тенденции характеризует стремление государств создать территориальные единицы высшего уровня на их собственной базе и/или на базе отдельных регионов. Т. Эриксен отмечал, что это вместе с тем означает и попытки создать целостные страны, системы верований, культур, группы интересов с определенной этничностью[1], а также попытки сформулировать принципиально новую идеологию, основанную на собирании одновекторных общественно-политических систем, имеющих общие цели развития.

Вообще характер интеграции можно определить с помощью следующих критериев:

– способ принятия решений в различных сферах интеграционных процессов (Л. Линдберг);
– индекс «относительной приемлемости» обмена между входящими в данный комплекс странами или регионами (К. Дойч).

Процессы региональной интеграции протекают синхронно с процессами дезинтеграции, что позволяет рассматривать их как единый процесс. При этом дезинтеграционный тип регионализации предполагает особый акцент на интересы и потребности региона, что может способствовать сепаратистским настроениям, развитию тенденций к автономизации и суверенизации, позволяет вместе с тем заявлять о политических, экономических, социальных проблемах, с которыми сталкиваются региональные сообщества, и требовать выработки политических программ для их разрешения. Соответственно, могут возникнуть и проблемы, обусловленные обостренным региональным самосознанием, которое обычно сочетается со стремлением отдельных этнических групп к созданию собс-

[1] Eriksen T.H. Of Individual and International Identities Notions of Nationalism and Nationhood. – UN Chronicle, 1999. Vol. 36, № 4, P. 8-10.

твенной государственности и переходит в национально-государственное самосознание.

Осознание этничности возникает, как правило, в кризисной ситуации, в момент ломки привычных социальных, экономических, политических структур, межличностных и межгрупповых отношений, в условиях неопределенности и невозможности предугадать дальнейшее развитие событий. При стабильном же развитии социальной системы, как отмечает С.А. Кизима, национализм существует в неявной форме, не приобретая ведущей роли в развитии системы, «представляет собой элемент в протоактивном режиме, не выходящий в активную фазу функционирования до тех пор, пока стабильное функционирование системы не нарушено»[1].

Лучшим способом разрешения межрегиональных противоречий выступает предоставление возможностей местным органам власти для самостоятельной реализации общегосударственных задач с учетом специфики региона.

Синтез сильных сторон интеграционной и дезинтеграционной регионализации позволяет избегать острых социальных потрясений и создавать более стабильное и динамичное общество. Дж. Розенау называет этот синтез «фрагмеграцией», т. е. одновременным действием сил интеграции и фрагментации (дезинтеграции).

Фрагментация (дезинтеграция), выражаясь в возникновении сепаратистских настроений в обществе, приводит к усилению роли различных регионов или региональных объединений и ослаблению влияния на них со стороны центра. Интеграция, обусловленная центростремительными процессами в современном мире, ведет к усилению роли международных организаций, трансграничного сотрудничества и взаимодействия[2].

Их сочетание позволяет находить компромиссы между интеграционными и дезинтеграционными факторами внутри региона, между стремлением наций к консолидации, интеграции и обособлению и формировать равноправные отношения между государствами, не нарушая и территориальную идентичность соседних регионов. Такое сочетание означает использование принципа федерализма – «единство в многообразии».

В результате региональной интеграции оказывается возможным избежать главной опасности глобализации, а именно: поглощения (ассимиляции) одним, самоидентифицированным сообществом (нацией или цивилизацией) других, более слабых. Р. Эванс в связи с этим отмечал, что «глобализация – это специфический процесс, который посредством поглощения наций и народностей в результате триумфа одной цивилизации создает гомогенное общество»[3]. Но гомогенное общество далеко не всегда разрешает проблемы и устраняет разногласия. По мнению экспертов независимой Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству, некоторые проблемы успешнее решаются на региональном, а не глобальном уровне. Региональные организации могут содействовать прекращению исторической вражды, устанавливая более тесные экономические и политические связи, инициируя использование новых методов углубления интеграции[4], формирования единого трансрегионального пространства.

При этом основная функция единого трансрегионального пространства состоит в разрешении противоречий, способствующих обострению межгосударственных и межнациональных отношений, в поиске нетрадиционных подходов для разрешения территориаль-

---

[1] Кизима С.А. Глобализация, глокализация, локализация, национализм и космополитизм – смысл и связи концептов //Концептуализация политики /Под ред. М.В. Ильина. М.: МОНФ, 2001. С.154.

[2] См.: Сергунин А. Проблемы и возможности регионалистики //Полис, 1994. № 5. С.149.

[3] Evans R. Global Fragmentation and the Compression of Space and Time. http://www.humbolt.edu/~massglob/gsj/rel-2htm.

[4] Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М.: Издательство «Весь Мир». 1996. С. 161.

ных споров, преодолении затруднений в перемещении ресурсов и населения, в формировании статуса приграничных районов и т. п.

Вместе с тем возникает и определенная опасность, которая прослеживается на опыте ЕС. Так, в первые годы существования Европейского союза большинство теоретиков интеграции разделяло мнение о том, что развитие интеграционных процессов автоматически ведет к преодолению межрегиональных диспропорций. Но практика показала, что интеграция сама по себе не в состоянии существенно повысить конкурентоспособность слаборазвитых и периферийных районов, напротив, может взорвать «защиту расстоянием», способствовать оттоку из них капитала и квалифицированной рабочей силы[1].

Для разрешения противоречий необходимо изучение социального, экономического и экологического потенциала регионов. Социальный потенциал региона определяют численность и возрастная структура населения, уровень его образования, состояние горизонтальных связей в обществе и т. д., экономический – наличие стратегических сырьевых ресурсов, уровень благосостояния граждан, конкурентоспособность производства и т. д., экологический – возможности уменьшения числа вредных производств, внедрения новых экологически безопасных технологий, формирования экологического сознания и т. п.

Стабильность региона, его устойчивое развитие, региональная безопасность напрямую зависят от особенностей этого потенциала.

В связи с этим ряд авторов указывает на необходимость пересмотра самого понятия «безопасность», поскольку, кроме военно-политической безопасности, нужно принимать во внимание и ее экономическое, социальное, культурное и экологическое измерения, создание условий для экономического роста, защиты прав человека, повышения уровня жизни населения, демократизации общественных отношений[2]. Применительно к региону безопасность предполагает сохранение его территориальной целостности, экономическую и социальную защищенность его населения, гарантии прав, в частности, со стороны федеральных властей, обеспечение экологической стабильности, готовность к угрозам стихийных бедствий и эпидемий[3].

Л. Хевитц считает, что политическая стабильность в регионе – «это поддержание системы, гражданский порядок, легитимность и эффективность»[4]. Для этого необходимо учитывать все факторы, влияющие на потенциал региона, и разрабатывать региональную политику, исходя из степени соответствия принимаемых политических решений возможностям развития данной территории.

Для разработки проектов гармоничного регионального развития необходимы: анализ стартовых условий и перспектив социально-политического и эколого-экономического развития региона; выбор и обоснование социальных целей регионального развития; создание механизма для реализации концепции совместного развития регионов.

При этом приходится решать следующие аналитические задачи:

- по оценке исходной социально-экономической ситуации и предпосылок развития в регионе;
- по определению места и роли региона на международной арене;
- по анализу демографической ситуации на территории региона;
- по оценке качества жизни населения;
- по оценке состояния природной среды;

[1] Региональное развитие: опыт России и Европейского союза/Рук. авт. колл. и отв. ред. А.Г. Гринберг. М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2000. С. 7-8.

[2] См.: Molt P. Ein neuer Realismus in der Entwicklungspolitik; in: Internationale Politik. 2002. № 4. S.63-64.

[3] Сергунин А.А. Проблемы и возможности регионалистики//Полис. 1994. № 5. С.151.

[4] Hurwitz L. Contemporary Approaches to Political Stability//Comparative Politics 5. 1973. № 3/ P. 449-463.

- по обоснованию возможностей повышения эффективности использования социально-экономического потенциала региона;
- по определению степени влияния на развитие региона внешних факторов.

Разработка проектов совместного развития регионов позволяет определять условия, необходимые для эффективного функционирования регионального комплекса, создавать эффективные модели межрегиональных взаимоотношений.

Знакомство с такими проектами, с мировым опытом региональной интеграции крайне важно.